

— Хе-хе...

Янь Шицзюнь не ответил на его вопрос, его лицо снова стало спокойным, и он сказал:

— Вдовствующая императрица, у меня есть история, которую вам стоит услышать. Это случилось в десятый год эры Юнхэ, в тот летний день, когда умерла Сян.

Наньгун Юйлян замер, глядя в сторону Янь Шицзюня, чувствуя, что там скрывается огромная тьма, которая вот-вот поглотит его.

Янь Шицзюнь бросил на него косой взгляд, не обращая внимания, и продолжал:

— Вы ведь храните то «прощальное письмо» Сян, да? Я помню, как она смотрела на меня с недоумением в момент смерти. Теперь она, должно быть, получила ответ от Наньгун Сюня.

— Ты...

Наньгун Юйлян с трудом сглотнул, его губы дрожали, когда он спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду.

Янь Шицзюнь повернулся к нему лицом, улыбаясь, мрачно и с торжеством:

— Наньгун Сюнь умер от моей руки, Наньгун Сян — от моей руки, а князь Цзинь... он, как и ты, ничего не знал, и до самой смерти оставался в неведении.

В ушах Наньгун Юйляна раздался гул, похожий на ветер, который он много раз представлял себе, когда думал о том, как князь Цзинь падал с обрыва горы Сыфан. Он сидел, его лицо было окаменевшим, долгое время он не произносил ни слова.

Янь Шицзюнь был доволен его реакцией, сделал шаг вперед и продолжил:

— Почему царство Чжао вдруг напало на Аньян? Почему Ань Цзыци, который должен был прийти на помощь, потерпел поражение так быстро? Вдовствующая императрица, потому что я проводил дядю в последний путь.

— Не может быть, не может быть!

Наньгун Юйлян вскочил, схватив его за воротник:

— Я проверял, тогда армия Цзинь действительно была всего в тридцати ли от них, действительно...

— Верно.

Янь Шицзюнь позволил ему держать себя:

— Но до этого Ань Цзыци мог их спасти, только я сказал Су Цзя перехватить их на полпути, поэтому армия Чжао и появилась.

Янь Шицзюнь специально сделал паузу, с сарказмом продолжил:

— Маркиз Аньдин действительно был невероятно храбр, поэтому мне пришлось применить небольшую хитрость на поле боя, иначе я бы не смог убрать дядю.

Руки Наньгун Юйляна опустились, он пошатнулся и оперся на стоящую рядом колонну, подняв глаза, он увидел, что в глазах Янь Шицзюня были только торжество и злоба.

— Янь Шицзюнь.

Наньгун Юйлян, с несколькими прядями волос, спадающими на лицо, смотрел на него:

— Тебя обязательно постигнет возмездие.

— Возмездие? Ха-ха... Возмездие?

Янь Шицзюнь смотрел на него с насмешкой:

— Наньгун Сян тоже хотела, чтобы князь Цзинь получил возмездие, но она умерла, а князь Цзинь...

Он намеренно сделал шаг вперед и сказал:

— Умер от наших рук!

Наших! Наньгун Юйлян отшатнулся, сжав губы, в глубине его сердца появилась боль, которая быстро распространялась.

Янь Шицзюнь, видя его реакцию, искажил лицо и с еще большей злобой сказал:

— Вдовствующая императрица, вы еще не знаете самой интересной части.

— Замолчи! Замолчи!

Наньгун Юйлян закричал, закрывая уши.

— Не мечтай, ты хочешь спокойно думать о нем, Наньгун Юйлян, ты мечтаешь!

Янь Шицзюнь отдернул его руки, смеясь с безумием и болезненностью:

— Наньгун Сян, как и ты, ненавидела князя Цзинь всей душой, и под моим влиянием она в конце концов выбрала месть любой ценой.

— Знаешь, что самое смешное?

Янь Шицзюнь смотрел на него с насмешкой:

— Наньгун Сян только опоила князя Цзинь, самое ненавистное для тебя событие никогда не происходило, это было лишь уловкой, чтобы сделать ложь более правдоподобной, чтобы ты ненавидел князя Цзинь еще сильнее, чтобы он продолжал ошибаться.

Более правдоподобная ложь... Наньгун Юйлян бессознательно повторял, чувствуя, как его тело охватывает холод. Он не мог представить, насколько глубоко простирается зло Янь Шицзюня.

— Врач, которого нашел Ань Цзыци, был подстроен Чжо Цинфэном, а «доказательства», которые ты диагностировал, были всего лишь подделкой. Кажется, ты слишком уверен в своих

медицинских навыках.

— Чжо Цинфэн!

Наньгун Юйлян поднял голову, внезапно бросился на него, схватив за шею:

— Мерзавец, Янь Шицзюнь, ты животное...

Хлоп!

Наньгун Юйлян упал на пол, Янь Шицзюнь смотрел на него сверху, красный след от пальца отчетливо выделялся на его бледной щеке.

Янь Шицзюнь на мгновение затуманился:

— Ты никогда не улыбался мне по-настоящему.

Он протянул руку, чтобы коснуться его щеки.

Наньгун Юйлян оттолкнул его, холодно сказал:

— Ты этого не заслуживаешь!

— Я не заслуживаю, но тот, кто заслуживает, мертв, Наньгун Юйлян...

Янь Шицзюнь выпрямился, огляделся вокруг, и последняя капля жалости в его сердце исчезла:

— Ты будешь жить в этом дворце, сожалея до самой смерти!

С грохотом высокие двери зала плотно закрылись, снаружи раздались шаги, и вскоре галерея наполнилась темными тенями, плотно окружив зал Чансинь.

— Ааа... Ааа...

Наньгун Юйлян, стоя на коленях, кричал, ногти глубоко впивались в ладони, но даже это не могло заглушить и малой части боли в его сердце.

Снаружи, малолетний император, услышав крики отца, заплакал и хотел броситься к нему, но был схвачен стоящим рядом солдатом. Янь Шицзюнь посмотрел на него, в глазах мелькнул холодный убийственный свет.

Твои глаза всегда были устремлены только на князя Цзиня, сначала это была любовь, потом ненависть. Если бы не этот малыш, в тот день, когда он умер, ты бы пошел за ним.

Янь Шицзюнь боролся всю жизнь, но только сейчас понял, что он так и не смог вытеснить князя Цзиня из сердца Наньгун Юйляна. Независимо от жизни и смерти, любви и ненависти, он только глубже укоренился в его душе.

В таком случае, Наньгун Юйлян, живи в этом дворце и помни его вечно!

— Отведите Его Величество в Зал Тайхэ.

Холодно сказал Янь Шицзюнь, глядя на малолетнего императора:

— Без моего приказа никто не имеет права посещать Его Величество и приближаться к

императорскому дворцу.

Спустя долгое время, ночь скрыла все заговоры и злодеяния, Наньгун Юйлян все еще стоял на коленях на холодном мраморном полу. В зале было темно, он опустил голову, волосы растрепались, и при слабом свете из окна он выглядел как призрак, уже покинувший этот мир.

— Вдовствующая императрица.

Осторожно позвал Цзи Ань, тихо приближаясь к нему:

— С вами все в порядке?

— Цзи Ань.

Голос Наньгун Юйляна был хриплым:

— Где Си?

— Его Величество заперли в Зале Тайхэ, но он в безопасности.

Сказал Цзи Ань, глядя на Наньгун Юйляна и сжимая кулак:

— Вдовствующая императрица, я всегда буду верен вам, если...

— Нет, Цзи Ань.

Наньгун Юйлян резко поднял голову, схватив его:

— С этого дня ты должен быть, как и все, верен Янь Шицзюню, верен ему, заслужи его доверие.

Цзи Ань замер, обычно спокойный и добродушный вдовствующий император внезапно стал другим человеком. Эти печальные глаза, освещенные лунным светом, даже спустя много лет вызывали у него дрожь.

— Да, я понял.

Наньгун Юйлян крепко сжал губы, глядя в окно, пока не почувствовал вкус крови.

Князь, я не достоин жить, но я не могу умереть, я не могу позволить Янь Шицзюню победить. Я убью его, чтобы отомстить за отца, за Сян и за вас!

****Поселок Сичжэнь.****

Цинь Юй вышел из комнаты с чашей лекарства, как раз в этот момент в дверь вошел Цюй Фэнхуэй, увидев его, спросил:

— Все еще не лучше?

— Немного лучше.

Цинь Юй поставил чашу, достал банку с медом, зачерпнул большую ложку и положил в чашу, наливая воду, сказал:

— Врач сказал, что он сильно испугался, поэтому так долго не поправляется.

— Ты тоже, зачем было убивать при ребенке?

Цюй Фэнхуэй закатил глаза, помешивая ложкой:

— Я бы тоже испугался.

— А что мне было делать?

Цинь Юй забрал чашу, проверил температуру и, направляясь в комнату, сказал:

— У меня одна нога хромает, другого выхода не было.

— Хех... Ты же просто прихрамываешь?

— Пошел вон, сходи еще за лекарством.

— Сволочь!

Цюй Фэнхуэй с недовольством встал, ругая шестого господина Бая, отправился в аптеку.

— Сяо Фэн.

Цинь Юй сел на кровать рядом с Линь Ваньфэном, протянув чашу:

— Пей.

Линь Ваньфэн посмотрел на нее, опустил губы к краю чаши, выпил пару глотков и нахмурился.

— Что, горячо?

— Нет.

Линь Ваньфэн покачал головой:

— Слишком сладко.

Лето пятого года эры Цзяньпин, июнь. Вдовствующая императрица Наньгун Юйлян, находясь в глубочайшем уединении, передала власть Сыну Неба. Однако, поскольку император был слишком молод, он попросил маркиза Вэня стать регентом. Маркиз Вэнь, считавший себя дядей императора, сосредоточил всю власть в своих руках, что в истории получило название «Июньского переворота».

С тех пор больше никто не видел вдовствующую императрицу. Император, впервые заняв трон, сославшись на юный возраст и усталость, также перестал встречаться с министрами. Старые слуги императора Сюаня были либо сосланы, либо казнены, Великий наставник Ван Цяньхэ, сославшись на преклонный возраст, был отстранен от государственных дел и заперт в столице.

В столице армии Цзяньпин, Фэнлинь, императорская гвардия и столичная армия перешли на сторону маркиза Вэня.